

Костючук Лариса Яковлевна,
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
Псковского государственного
университета

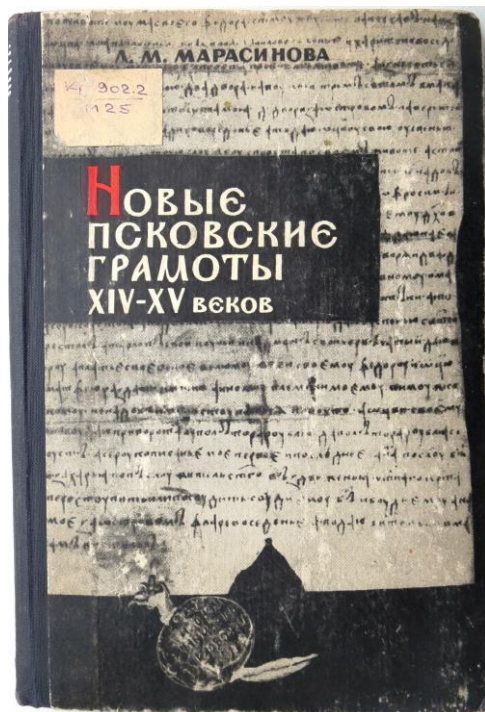

**НЕИССЯКАЕМЫЙ ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ
ДЛЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЧАСТИ
«ПСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО СЛОВАРЯ
С ИСТОРИЧЕСКИМИ ДАННЫМИ»
(к 50-летию публикации Л. М. Марасиновой
«Новые псковские грамоты XIV-XV веков»)**

50 лет назад, в 1966 году, появилась замечательная научная исследовательская работа талантливого историка Людмилы Михайловны Марасиновой, открывшей в псковских и столичных архивах неизвестные до тех пор 35 псковских грамот XIV–XV веков [Марасинова]. Они (кроме одной) дошли до нас в составе документов XVII века, связанных с решением через столетия спорных вопросов по поводу частной собственности (прежде всего земельной). 34 грамоты представлены в списках (выписках) XVII века, а одна оказалась подлинной – начала XV века (1417-1421 годов). Это духовная грамота Акилины – жены псковского князя Фёдора.

Грамоты (подлинная и копии) составлены были местными писцами. Поэтому они сохраняют особенности псковской речи прошлого: с одной стороны, времени написания (XIV–XV веков), а с другой стороны, возможно, и времени копии (XVII века). Это чрезвычайно ценно в научном плане, поскольку они несут местные особенности речи псковского региона. Это могут быть черты разных языковых уровней, что подтверждает соответствующие явления для конкретного периода. Лексические

единицы позволяют в контексте установить соответствующую семантику и тем самым пополнить достоверным материалом историческую часть «Псковского областного словаря с историческими данными» [ПОС].

Исследователь и публикатор расшифровал (прочитал) рукописи, сопроводил их объяснениями к каждой грамоте, профессиональными не только в историко-культурном, но и в лингвистическом аспектах. Для этого была проведена работа со словарями (прежде всего историческими), с современными диалектными картотеками словарей, в частности и уже готовившегося «Псковского областного словаря». Л. М. Марасинова беседовала со специалистами разных профилей, включая и лингвистов, особенно с занимающимися псковскими говорами. Всё это дало возможность учёному создать ценный, объективный источник и

для исторической части ПОС. Покажем, какой замечательный труд получили учёные разных специальностей 50 лет назад.

Благодаря целой серии авторских разделов получился энциклопедический выверенный материал, который сопровождает найденные грамоты XIV-XV веков. Так, раздел I «Обзор опубликованных и неопубликованных псковских земельных актов XIII-XV вв.» с тремя параграфами («Обзор опубликованных актов»; «Псковские столбцы XVII в. из архива Псковского приказа и Псковской приказной избы»; «Из истории земельной политики Московского правительства в Пскове XVI-XVII вв. Акты XIV-XV вв. в столбцах с поместью-вотчинными делами») знакомит и с обстоятельствами хранения документов, и с общей политикой ведения деловых документов, касающихся земельных дел [Марасинова, с. 5-27].

Раздел II «Палеографические и дипломатические замечания об актах XIV-XV вв.» объясняет состояние и своеобразие тех псковских грамот, которые были найдены автором и опубликованы [Марасинова, с. 28-43].

Эти разделы предваряют раздел III с найденными и опубликованными псковскими грамотами XIV-XV вв. [Марасинова, с. 44-83].

Раздел IV «Комментарии к актам» (только что поданным в книге) содержит два комментария: «Хронологический» и «Географический» [Марасинова, с. 84-124] – в связи с текстами документов.

Раздел V «Земельные акты XIII-XV вв. как исторический источник» представляет историческую значимость актов для тех, кто занимается исследованием прежде всего истории [Марасинова, с. 125-162].

Заключительный раздел VI «Сфрагистический комментарий к псковским частным актам», написанный В. Л. Яниным [Марасинова, с. 163-178], вводит читателей в мир печатей, оформлявших древние документы.

Кроме того, Л. М. Марасинова профессионально составила предварительный, по её разысканиям, «Пояснительный словарь» [Марасинова, с. 179-190], без чего трудно было бы на первых порах разбираться в смысле отдельных слов.

Ценность составляют и «Указатели к грамотам»: «Именной» [Марасинова, с. 192-195], «Географический» [Марасинова, с. 196-200], «Предметно-терминологический» [Марасинова, с. 201-203], в чём усматривается тщательная работа исследователя, умеющего не только провести изучение памятников, но и как можно информативнее донести до пользователей ценные сведения об истории земельных дел в Псковском регионе.

Ценен библиографический аппарат, сопровождавший исследование учёного [Марасинова, с. 204-210].

Итак, труд Л. М. Марасиновой занимает одно из почётных мест в списке исторических источников для уникального в мировой лексикографии «Псковского областного словаря с историческими данными».

До сих пор лингвист-историк находит ценный материал для неиссякаемых исследований при выяснении местных (псковских) особенностей, так как язык грамот содержит чрезвычайно богатые фонетические, морфологические, синтаксические и, конечно, лексические сведения.

Подтвердим это примерами.

Многие слова до сих пор не обнаружены ни в традиционно известных, ни в новых словарях, ни в письменных памятниках псковской и других территорий.

В купчей Антона «с братьями» на землю (первой половины XIV века) [Марасинова, с. 51] для разведения пчёл встречаем однокоренные названия специального приспособления: существительное мужского рода *БОРТЪ* и более распространённое известное существительное женского рода *БОРТЬ*, которые означают ‘колода или дупло для диких пчёл’ [ПОС, вып. 2, с. 128]; обнаружены неизвестные сложные образования *СТАРОДЕТЬ* и *НОВОДЕТЬ* с согласным [Т] во второй части, хотя обычно известны подобные названия со второй частью *-ДЕЛ-*. Предполагаем два объяснения: 1) или нечёткое прочтение скорописной выносной буквы «Л» как «Т», или 2) необычное образование с суффиксом *-Т-* в сочетании с корнем *ДЕ-* при указании в первой части на разное время создания борти. Тем более, что в грамоте рядом есть загадочное название *ПЕШНЯ*, у которого Л. М. Марасинова предполагает значение ‘дерево, подготовленное для устройства в нём борти’ [Марасинова, с. 186].

Обратим внимание на поддержку этого значения (с собой ‘подготовка к изготовлению’) у отмеченного В. И. Далем значения ‘долото на долгом черене для долбления ульев’ у слова *ПЕШНЯ* как пчеловодческого термина [Марасинова, с. 186; Даль, т. III, с. 109]. Использование же слова в грамоте свидетельствует о появлении ещё одного значения, образованного по принципу метонимии (соседства фактов): «*А по той земле и БОРТЬ СТАРОДЕТЬ и НОВОДЕТЬ и ПЕШНЯ и ПАСТКЕ*».

Для понимания слова *ПАСТКЕ*, нигде не зафиксированного, Л. М. Марасинова предполагает такое объяснение: «Может быть, оно означает древнее название пасеки?» [Марасинова, с. 186]. В этой же грамоте встречается слово *ЗАПАС* с корнем *ПАС-* по отношению ко всему необходимому в хозяйстве: «*Се купишиа... и зародье и жердые и весь ЗАПАС сенные*». Но оно находится в сочетании с прилагательным *СЕННЫЕ*, а это предполагает ситуацию работ с землёй. Слово *ПАСТКЕ* же используется в окружении названий, связанных с пчёлами. Может быть, слово предполагает отношение ко всему, что касается пчёл. Пока вопрос остаётся. Но все эти версии при необходимости учитываются.

В этом слове обращает внимание окончание *-Е* в именительном падеже, как и в следующих словах в этой же грамоте: «*Се купишиа АНТОНЕ с братьею... ХОРОМЕ...*». Все эти слова мужского рода, но с конечным звуком [Е] вместо бывшего редуцированного, а затем нулевого звука, что гораздо позже было признано древней псковской особенностью. Естественно, что эти слова обычно могли выглядеть как *АНТОН, ХОРОМ, ПАСТОК*. В момент публикации Л. М. Марасиновой был ещё неизвестен результат исследований псковских слов мужского рода с окончанием *-Е* вместо *-Ъ*. Такое явление только во второй половине XX века было описано А. А. Зализняком именно как древняя псковская особенность, которая вместе с рядом других позволила учёному обосновать теорию «древнего псковско-новгородского диалекта» [Зализняк, 1995].

Слово *ХОРОМЕ* в русской огласовке (*-ОРО-* в отличие от церковнославянского *ХРАМЪ* с неполногласием *-РА-* без *-Е* в конце). И русское слово, и первоначально церковнославянское означали ‘жилище, место обитания’, как и слово в грамоте из

публикации Л. М. Марасиновой. Значение же ‘специальное строение для отправления религиозных обрядов’ у слова *ХРАМ* более позднее.

В древней подлинной духовной грамоте Акилины читаем: «... *то даю моужеву своему Федороу в одерень а изнесеться моужь ФЕДОРЕ...*» [Марасинова, с. 73] – и замечаем, что проявлена та же местная черта и у имени князя. В современных псковских говорах подобное наблюдается тоже.

В этой же фразе удивляет ещё одно слово: «*ИЗНЕСЕТЬСЯ моужь*». Это эвфемизм, означающий ‘умереть’. Слово не зафиксировано ни одним словарём (ни диалектным, ни исторически-ми). Видимо, оно псковское.

В духовной грамоте 1491-1496 гг. [Марасинова, с. 69] Никита Хов завещает часть имущества «*жене своеи Катерины и дочери своеи Ксении внуки своеи Зиновьи*», другую часть – «*жене своеи Катерины и дшери своеи Софьи до ея животу...*». А далее Никита Хов оговаривает, при каком условии как надлежит поступить получающим от него завещание с этим имуществом в случае кончины кого-нибудь: «*А ИЗНЕСУТЦА жена моя и дочка моя и внука моя...*» – условие для первого завещания; «*ИЗНЕСЕТЦА дши моя Софья...*» – при втором. Никита Хов как завещатель тоже использует это тактичное слово-синоним для обозначения кончины близких автору завещания людей.

А вот Семион [Марасинова, с. 56] и Павел [Марасинова, с. 57] в своих духовных завещаниях используют глагол *ПОМЕРЕТЬ*: «*А толкъ поидет жена моя замуш или ПОМРЕТ...*», «*А ПОМРЕТ брат мой...*» – у Семиона; «*А ПОМРЕТ жена моя Феодосья...*» – у Павла.

Можно наблюдать, насколько владел завещатель чувством такта в выборе соответствующих слов.

Псковские грамоты донесли и своеобразие некоторых терминов, называющих деловые документы: например, неизвестное до указанных грамот слово *ВЫПИСОК* в значении ‘выписка из документа, подтверждающая право того или иного лица на земельный участок’ [Марасинова, с. 71]. Это синоним к распространённому слову *ВЫПИСЬ*. Но, помимо очень краткой *выписи* / *выписки* XVII века с грамоты Никиты Хо́ва 90-х гг. XV века, слово *ВЫПИСОК* нигде больше не удалось отметить.

Покажем, как функционирует оно среди однокоренных терминов в этом же документе.

Сначала перед извлечением-копией из документа XV века идёт название как резолюция XVII века, удостоверяющая точность копии: «СПИСОК с харатеиною данои слово в слово». После всего лишь единственного предложения из документа-подлинника XV века, ради чего и составлялась копия, следует указание на то, где и какой источник сведений находится: «А сей ВЪПИСОКЪ выписан из ларного рукописания, а лежит ларное рукописание у Филипа» (тут как раз и было обнаружено слово ВЪПИСОКЪ).

Иногда для понимания загадочного псковского слова в поисках аналогий приходится обращаться к очень разнообразным источникам для сопоставления: вдруг они помогут в решении многочисленных загадок?

В замечательной грамоте Акилины долго не давала покоя следующая загадка: «А что отцина моя... то велю... продати собе на память и ДОЛГ ОЛЕСТЬ...» [Марасинова, с. 73]. Из контекста понятно, что́ означает это выражение: как указывает Л. М. Марасинова, это ‘долг уплатить, долг ликвидировать’. Но непонятно само слово, нигде не обнаруженное, да и учёт обстоятельств не позволяет думать, что речь идёт о материальном долге у состоятельной жены князя. Соседство же со словосочетанием «собе на память» допускает, что речь идёт о моральном долге – поминовении после кончины. А что же означает само слово?

Допустим, что вместо буквы «О» («он»), выбранной для публикации, в написании конца XV века «стояла» своеобразно лигатурная буква «ОТ» («omega» с небольшой по написанию сверху буквой «Т»). Тогда в слове усматривается приставка ОТ-, подходящая по смыслу структуры слова для передачи ситуации. А как объяснить конец слова в виде буквосочетания «СТ»? Предположили, что это отражение писцом оглушения в произнесении орфографического буквенного сочетания «ЗТ», если признаем корень ЛЕЗ- в слове. Тогда восстанавливаем слово ОТЛЕЗТЬ.

Обращение к Разговорнику Тонни Фенне [Fenne, 1607], составленному в Пскове в начале XVII века в помощь купцам в

ведении торговли с псковичами, показало, что иностранец записал много диалогичных псковских фраз о ликвидации денежных долгов между торговцами, где встречаются слова с приставкой *РАЗ-* (как и приставка *ОТ-*, она указывает на отделение) и с корнем *РЕЗ-* (кстати, звуки [P//Л] способны и в псковских говорах взаимозаменяться: *хиЛый* / *хиРый*). Тогда станет понятной непонятная по своему выбору фраза. А дело в проявлении некоторых фонетических особенностей.

И ещё много других сведений о псковской народной речи содержат так называемые «новые псковские грамоты XIV-XV веков», которые учёные получили благодаря замечательному исследователю – Людмиле Михайловне Марасиновой. Разговор можно не раз продолжать, поскольку работа над словарём и исследования не прекращаются.

Литература

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. – М. : ГИС, 1956.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. – М. : Языки русской культуры, 1995.

Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты XIV-XV веков. – М. : МГУ, 1966.

Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–25. – Л. / СПб. : ЛГУ / СПбГУ, 1967–2014.

Fenne T. Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Vol. II. – Copenhagen, 1607.